

ЮЛИЯ РЕЗНИК

Все,
ЧТО НУЖНО МНЕ

Юлия Резник

Всё, что нужно мне

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64014015

Аннотация

Однажды меня по-крупному подставили. Я лишился всего: денег, перспектив, свободы и любимой девушки. Четыре года она думала, что я ее предал и в одиночку растила нашу дочь. А я, не зная об этом, вынашивал планы мести. Правда всплыла внезапно, мои чувства к Соне вспыхнули с новой силой... И пусть теперь я ей совсем не пара – плевать. Я сделаю все, стану кем угодно, чтобы только ее вернуть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Все, что нужно мне

Глава 1

– Ну, я пойду...

– Проводить? У меня еще есть несколько минут.

Игорь бросил взгляд на часы и, наклонившись ко мне чуть ближе, с намеком провел пальцами по губам. В его предложении не было ничего такого. Он уезжал и перед этим надеялся провести со мной как можно больше времени. А я сама... я сама хотела поскорей от него избавиться. Вот и пойми нас, женщин.

– Не нужно. На выезде пробки, ты же видел. На твоем месте, я бы поторопилась.

Растянув губы в извиняющейся улыбке, чтобы смягчить отказ, я похлопала Самойлова по руке. Тот хмыкнул. Откинулся затылком на подголовник и поинтересовался, глядя прямо перед собой:

– Почему мне каждый раз кажется, что ты меня отшиваешь?

– Понятия не имею. Это совершенно не так!

Выяснять отношения перед расставанием не хотелось. К тому же в словах Игоря было слишком много правды. Я бы

сама хотела понять, почему до сих пор сохраняю между нами дистанцию. Хотя... Что тут непонятного? Обжегшись на молоке – я дула на воду.

Чтоб тебе пусто было, Алекс! Чтоб тебе... Пф-ф-ф. Ну вот. А ведь я обещала себе больше не вспоминать о нем. Я ведь обещала... Четыре года прошло с нашей последней встречи. Более чем достаточно, чтобы забыть кого угодно. И уж тем более мой неудавшийся мимолетный роман. Не первый. И не последний. Но единственный, когда я по-настоящему потеряла голову от мужчины. Тем больней, что для него самого я была не более чем развлечением. К черту! Много чести о таком думать. И вспоминать... Проблема в том, что, как бы я ни старалась, забыть его было практически невозможно. Он, сам того не желая, оставил мне живое напоминание о себе. С которым я засыпала и просыпалась. И без которого уже вообще не представляла себя.

Может, нужно было ее разбудить и забрать домой? Но моя малышка так набегалась с дедом, что отрубилась прямо на ковре в гостиной.

– Оставляй ее у нас, Сонь. Так даже лучше. В кои веки побудешь наедине со своим молодым человеком.

Молодым человеком. Иногда моя мачеха, а по совместительству еще и лучшая подруга, выражалась, как черте кто. Даже наша семидесятилетняя бабка не употребляла таких притрушенных нафталином слов. А Лилька – вполне, хотя была моей ровесницей. Я по этому поводу стебала ее ужасно.

Говорила, что так на ней сказывается брак с моим старичком. Да, жестко. Но я не могла упустить повода лишний раз пошутить на тему их с отцом разницы в возрасте. Во мне еще теплилась обида на то, что они скрывали от меня свой роман. Ну, и немного ревность... Лилька негодовала, хмурила рыжие брови и поджимала губы. А «старичок» отец только улыбался по-акульки хищно. Как это может делать разве что абсолютно уверенный в себе и довольный жизнью мужик, которому в голову не придет кому-то доказывать, что он еще о-го-го. Потому что в этом, в принципе, не приходилось сомневаться.

В общем, Этель я оставила у деда и бабки, как я тоже, смеюсь, называла Лильку. Оставила и... пожалела. Я уже по ней соскучилась. А впереди была еще целая ночь. И лучше бы я, вместо того, чтобы загоняться по поводу нашей разлуки, действительно воспользовалась случаем и как следует оторвалась с Самойловым. Может, он потому и злился, что ему ничего не обломилось? Я решила исправить ситуацию, побыть напоследок ласковой кошечкой... За это мужики обычно многое прощали.

– Игорь... Ну, что ты? Не злился, хорошо?

Поцелуй. Шепот, ласки... И... ничего. Ничего! Никакого огня. Так, едва тлеющий огонек, о который невозможно обжечься. Может, я поэтому и не торопилась? Знала ведь, что много не потеряю. Разочарование накрыло меня волной. Я отстранилась.

– Ну, все... Все. Тебе правда надо ехать. Опоздаешь ведь...

– Подумай над моим предложением.

– Обязательно.

Я вышла из машины и подождала, когда Игорь уедет. Домой как-то не хотелось. Без Этель там все было не так. Зябко пожившись, я запрокинула лицо к небу. В желтых пятнах фонарей, кружил снег, падал на землю и тут же таял, отчего пахло сыростью. А еще откуда-то тянуло сигаретным дымом... Я поморщилась. Тяжело вздохнула и пошла к подъезду, но проход мне загрозила выплывшая откуда-то из-за вековых елей тень. Я отступила на узкой дорожке, давая ей проход. Но та даже не пошевелилась. А потом как-то стремительно перетекла из одной точки пространства в другую, все увеличиваясь по мере приближения. Сердце подпрыгнуло и забилося в горле, так сильно, что удары отдавали в ушах. В памяти всплыли скандалы, которые я устраивала отцу, требуя снять с меня наблюдение охраны. Может быть, он был прав, и зря я настояла на своем?

– Привет. Думал, представление никогда не закончится.

Голос хриплый. Как будто человек, которому он принадлежал, не так часто им пользовался. Колючий... абсолютно незнакомый мне голос. В интонациях которого поначалу вообще потерялся смысл сказанного. А потом дошел... Щеки обжег стыд, и... накатила злость. Потому что этого бугая совершенно не касалось, чем я занималась наедине со своим

мужчиной!

– Извините, вы меня с кем-то спутали, – сухо ответила я и все же сделала шаг, обходя его, неподвижного.

– Это вряд ли, София.

А вот это уже вообще ни в какие ворота! Я надменно вздернула нос. И задрала подбородок. Не слишком удобно, шею сводило, но оно того стоило. Я предпочитала смотреть проблемам в глаза. Не показывать страх – вот чему в первую очередь учили на всех порядочных курсах самообороны. Пусть не думает, что запугал меня! Пусть за мной больше не ходила охрана, жилищный комплекс, в котором я жила, охранялся получше всякого режимного объекта.

Глаза в глаза. И как озарение:

– Алекс?!

– Неужели так сильно изменился?

Кривая улыбка. Холодный взгляд серых, как лезвия бритвы, глаз. Отбирающий мой воздух, мое самообладание... Я пошатнулась, ноги стали разъезжаться на взявшейся тонкой ледяной корочкой изморози. Алекс потянулся ко мне. И удержал от падения, в последний момент поймав меня, как котенка, за капюшон. С губ слетел истеричный смешок. Я ведь сама так ловила Этель... буквально каких-то пару часов назад, когда мы с ней играли в догонялки на заднем дворе родительского дома. Боже!

– Изменился. Да, – ответила я и резким движением плеч сбросила, к чертям, его руки. Казалось, они меня жгут...

– Набрал немножко.

Он снова криво улыбнулся. Неспешно провел ладонью по почти бритой под ноль голове. Действительно огромный. Намного больше, чем я запомнила. Кажется, даже выше. Но этого уж точно не могло быть... Не зная, как поступить дальше, не представляя, чего ему от меня надо, я прошлась взглядом по фигуре Алекса. Отмечая дешманскую куртку, джинсы. Кеды на тонкой подошве, в которых он наверняка окоченел, пока меня ждал. Наверное, именно таким – потрепанным жизнью, и хочет видеть своего бывшего любая брошенная девушка. Я должна была почувствовать удовлетворение, но... нет. Вместо этого в моей голове пронеслись миллионы вопросов. Например... какого, мать его, черта?! Я запретила себе следить за его судьбой. Хотя порой мазохистское искушение узнать о нем все... вот вообще все, меня сжирало. Но гордость оказалась сильнее. И теперь я действительно не понимала. Какого... мать его... черта... он выглядит так! Сколько стоит его проект? Сто пятьдесят? Двести миллионов долларов?

Дверь в парадную открылась. Со ступенек сбежал охранник. Самый настоящий, тренированный. Вооруженный. От сердца немного отлегло – я была не одна. А вот болезненное любопытство осталось.

– София Яновна, все хорошо?

Нет! Все дерьмово! Все – хуже некуда. Это вообще ведь чудо, что со мной сейчас нет Этель... Но где гарантия, что

Алекс не припрется, когда мы выйдем с ней на прогулку? Или отправимся в детский сад, или... Да куда угодно, госпо-ди! Если я прямо сейчас не узнаю, чего он хочет, и не разру-лю эту ситуацию.

А между тем он вздернул бровь. И уставился на меня так... вызывающе. На охранника Алекс вообще не смотрел. Как будто ему дела не было до того, что тот вышел. Но ведь было. От меня не укрылось, как он сместился, прикрывая спину.

– Да. Все прекрасно. Мы с моим... другом решили выпить по чашечке кофе. Пойдем? – как и он, вздернула бровь. Или это отцовская привычка и во мне внезапно обнаружилась? Еще чего не хватало. Его Лилька во всем копирует. И ма-ленький сын. Трое – это уж слишком.

– Ну, пойдем, – ухмыльнулся тот. А глаза – нет... Они по-прежнему не улыбались.

Я задрожала. Разгоняя по нормам страх. Осторожно сту-пила на заледеневшую дорожку. Только сейчас поняла, что отморозила пальцы на ногах. Даже в теплых мягких ботин-ках на овечьем меху. А как, должно быть, замерз он сам? Еще и голова эта бритая, через которую идет самая большая теплопотеря...

Какой бред лез в мою голову в тот момент! Я думала, ка-жется, обо всем сразу. Хотя лучше бы сосредоточилась на главном. Может быть, не почувствовала бы такой растерян-ности, когда мы с Алексом вошли в лифт.

Какое дурацкое имя. Алекс... Как только раньше нравилось?

Молчание затягивалось. А я, сколько ни пыталась, не находила тем. И все сильнее нервничая, смотрела то на мелькающее табло, отсчитывающее этажи, то на его дешевые тонкие кеды. Дрожь внутри становилась все сильней и сильней.

Зашли в квартиру. Разулись. Я не любила ходить дома в обуви. Положенные мне по статусу апартаменты были огромными. Открытая планировка, высокие потолки, огромные окна... Простор! Который, тем не менее, сейчас давил мне на голову.

– Проходи, – приглашающе взмахнула в сторону дивана. Алекс стащил куртку. Бросил на небольшой столик для мелочей и прошел в комнату. Сел. Вольготно закинул на спинку руку. Огромную. Ага. Я уже говорила. Он раскачался... – поняла вдруг. Каждая мышца выделялась под непривычно бледной кожей, и плыли синие реки вен.

Во рту пересохло. И я отвернулась, шокированная своей на него ненормальной реакцией.

– Хочешь выпить? – завела светскую беседу.

– Выпить? А знаешь, давай...

– Вино? Водка? Скотч? Боюсь, пива нет...

Алекс снова улыбнулся одними губами. В его взгляде мелькнуло нечто такое, что заставило меня сглотнуть еще раз. Невозможно было – в горле першило.

– Давай вина... Как в наш последний раз. Помнишь?

Я очень хорошо помнила! Я все, мать его, помнила! Поэтому горлышко бутылки немного позвякивало о бокал, когда я взялась разлить вино.

– Зачем ты пришел?

Да. Наверное, так и надо было. Мы не виделись черте сколько лет. И ничего серьезного, если так разобраться, нас никогда не связывало. Может быть, было бы даже логичней его послать... Ну, или хотя бы удивиться его неожиданному визиту. Или даже сделать вид, что вообще не могу его вспомнить! Но ведь Этель. И кеды эти проклятые. И дырка на носке. Которую он, даже увидев, не попытался спрятать. Лишь посмотрел на меня. Еще более вызывающе.

– Не знаю. Узнать, как ты.

– Я? Как видишь, неплохо. А ты?

– Вроде жив. И свободен.

Таким образом он намекал мне, что развелся? А если так... Для чего он мне об этом сообщает? Уж не думает ли, что я на него, такого, позарюсь?

– Значит, ты развелся? – спросила, отводя взгляд, и вдруг вспомнила, что над каминной полкой в рамке стоит фото дочки... Испугалась, что он увидит. В панике дернулась. Но потом сообразила, что этим только привлеку еще больше внимания, и встала так, чтобы загородить собой вид. Хотя, конечно, одной мне с этой задачей было не справиться. Вот у беременной меня вполне могло получиться. Разнесло меня тогда просто невероятно. Я даже сейчас, похудев, не вернула

себе уверенность в собственной привлекательности. Может, и хорошо, что он меня не видел в то время. Я была похожа на дирижабль.

– В каком смысле развелся?

– Да брось, Алекс. Думаешь, я не в курсе твоей женитьбы?

Я ожидала чего угодно, но не того, что он откинет голову и рассмеется. Надтреснуто, но от души.

– Что за бред ты несешь?

– Послушай... Не знаю, зачем ты и сейчас пытаешься выставить меня душой. Но этот номер у тебя не пройдет. Я знаю, чем ты занимался, и где был... когда я тебя как дура ждала в тот вечер. Когда я морги обзванивала... Поэтому оставь свое дерьмо, говори, чего хочешь, и вали из моей жизни...

– И чем же я, по-твоему, занимался? – напряженно заметил он. Встал, и как хищник пружинисто, не отпуская взгляда, подобрался ко мне вплотную. – Где был?

Он скользнул холодным носом от шеи к уху, разгоняя по моей коже мурашек и чертов огонь, которого мне так не хватало! Только на кой он мне был теперь?! Я отскочила. Сощурилась:

– Очевидно, наслаждался своей супружеской жизнью во Фриско, – зашипела змеей. А Алекс тоже отступил. Каким-то странным растерянным жестом провел по голове и вновь изучающе на меня уставился:

– Ты или врешь... или действительно не знаешь... Тогда это тем более странно.

– Не знаю чего?!

– А я все это время на зоне парился. До тебя, что, мои письма тоже не доходили?

Глава 2

Она хлопнула ресницами. Округлила рот и уставилась на меня, как на восьмое чудо света. А потом снова скосила взгляд на проклятую дырку на моем носке. Не может быть! Неужели правда не знала?

К этому я был не готов. Я даже себе не мог объяснить, зачем приперся. Думал, посмотрю, как она, что... И свалю по-тихому. Ей я мстить не собирался. Что с бабы взять? То, что нечего – на зоне как-то быстро понимаешь. А то, до чего не доходишь сам – объясняют на пальцах.

Так зачем пришел? Уж точно не из любви великой. От нее уже давно ничего не осталось. Если только презрение. И стыд за собственную глупость. Я ведь ей писал поначалу. Я ведь надеялся... Что чем-то лучше других. Что мне с женщиной повезло больше. Придурок.

С Соней Гейман мы познакомились случайно. На одной из вечеринок. Я только-только пригнал из Америки, чтобы навести порядок в документах и отчалить уж навсегда. Ну, и с девочками зависнуть, потому как, знаете, в Кремниевой долине с этим была беда¹. Деньги тогда у меня водились. А со дня на день их должно было стать просто немерено. Мой

¹ Кремниевой долине с этим была беда – речь о соотношении мужского населения Кремниевой долины к женскому. По некоторым данным это где-то семьдесят к тридцати.

последний стартап², наконец, выстрелил. Как раз шли переговоры о покупке прав на него. И не с кем-нибудь, а с Фейсбуком. От успеха немного кружилась голова... Я был практически мультимиллионером и казался себе крутым, как яйцо. Девочек окучивал только так. Хозяин жизни, чтоб его. А потом в клубе появилась она с подружкой... И все. Меня замкнуло. Среди девиц, которые вились вокруг, Соне даже делать ничего не нужно было, чтобы выделяться. Она сидела, скрестив ноги в шиколотках, как королева, помешивала коктейль и лениво, чуть свысока, наблюдала за происходящим. Может, этот взгляд, который присущ лишь тем, кто родился с золотой ложкой во рту и неоспоримой верой в собственную исключительность, и выделял ее из толпы так сильно.

– Слюни вытри! – хмыкнул мой партнер. – Эта телочка тебе не по зубам. Слышал о Яне Геймане? Это его дочь. Без вариантов.

Но Серега ошибся. Я к ней подкатил. Ну, так, издалека... Она ответила. А уже минут через пять разговора между нами искрило так, что, не свали мы из того клуба, пожар случился бы прямо в нем. Хорошо, мы вовремя сориентировались. И с трудом дотерпели до дома. Ее. Этого самого... В котором мало что изменилось за прошедшее время.

Я выпил залпом содержимое бокала. Шикарный букет взорвался на языке. Может, стоило выждать четыре года,

² Стартап – это тип бизнеса, направленный на получение дохода путем реализации принципиально новой идеи.

чтобы вновь оценить его вкус по достоинству, а не хлестать как воду? Ага! Как бы ни так...

– Я не понимаю...

Оглянулся. И правда ведь не понимала. Стояла посреди гостиной, в которой не было места, где бы я ее не трахал, и нервно крутила крупные кольца на пальцах. Все такая же красивая и исключительная.

А я вдруг понял, как безумно хочу, чтобы это было правдой! Ну... То, что она действительно не знала. Мне так отчаянно, может быть, даже жизненно важно хотелось верить хоть во что-то хорошее. Я думал, меня предали все... все абсолютно... И пусть она не искала меня, не ждала... Пусть. Но хотя бы не предавала. Не знаю, какого черта это вдруг заимело такое значение.

– Кто тебе сказал, что я женат?

Она растерянно осмотрелась. Вскинула руку, чтобы пригладить густые кудрявые волосы. Отчего ее шикарная грудь приподнялась. А меня обожгло кипятком.

– Твой партнер. Не помню, как его...

– Серега?

– Да... Когда я забила тревогу и начала тебя искать... В общем, он сказал, что у тебя девушка во Фриско³, и там все серьезно, а со мной... – Соня скривила красивые губы, – со мной ты вроде как решил поразвлечься. Напоследок...

– Он соврал.

³ Фриско – сокращение от Сан-Франциско.

– Я не понимаю, – вновь повторила она. – Зачем ему это было нужно?

– Деньги, Соня... Когда меня посадили, ему не составило никакого труда отжать права на все наши совместные проекты. Из зоны, знаешь ли, тяжело бодаться.

– Похоже, мне нужно выпить. – Соня облизала губы, вернулась к бару и плеснула себе еще. – Будешь?

– Нет. Хорошего понемногу.

Я не мог себе позволить надраться. Ни на секунду потерять контроль. Может быть, никогда больше. Зона изменила меня. Сделала осторожным и абсолютно безжалостным. Иной раз я просыпался в холодном поту. Мне снился один и тот же сон. Я подхожу к треснувшему потемневшему зеркалу в пластмассовой раме и не вижу себя... Может, я и сюда приперся, чтобы напомнить себе о том, кто я есть. Все еще есть... несмотря на то, как старательно меня ломала система.

Я тот, кто раньше мог себе позволить трахать телок вроде Сони Гейман. В апартаментах с видом на исторический центр за несколько десятков миллионов денег. Я тот, кто вернет свою жизнь, чего бы это ни стоило. И тот, кто отомстит.

Соня пригубила вина. Подошла к окну, на фоне которого ее платье стало просвечиваться, и тихо заметила:

– Когда ты не приехал тогда, я обзвонила все морги. Думала, с тобой что-то случилось. Даже охране дала поручение тебя найти... Я несколько дней была сама не своя. А потом этот Сергей... У меня ведь не было причин ему не верить!

Ты пропал.

«Была! – взревело внутри. – Ты должна была верить мне! И искать! Тебе ничего не стоило докопаться до истины», – рвалось наружу, но я сдержался, потому что теперь ничего уже было не изменить. И все что я мог – смириться.

– Я ехал к тебе, когда меня остановили. Обыскали тачку – а там герыча на хороший срок.

Соня резко обернулась. Снова комично открыла рот. И тут же захлопнула. Было интересно наблюдать за сменой эмоций на ее красивом лице.

– Тебе ведь его подкинули?

– Суд решил, что я собирался его толкнуть.

– Я спрашиваю, как было на самом деле!

– Я того пакета в руках не держал. Это, кстати, зафиксировано в протоколе.

– Господи... Как... Я не понимаю, как такое возможно?

Я тоже очень долго не понимал, как. Первые дни в СИЗО бодрился, качал права, требовал адвоката. Господи, я был уверен, что все скоро закончится. Я представлял, как буду со смехом вспоминать о произволе ментов, глядя на океан с террасы своего бунгало, и потягивать шампанское. А рядом будет лежать она. И щуриться сыто, как кошка... Я был таким непуганым дураком!

– Четыре года, Алекс! Это же целая вечность!

«Ты даже не представляешь, насколько...» – подумал я про себя. Думал, это никогда не закончится. По факту мне

еще повезло. Интерполу понадобилась моя помощь в одном щекотливом дельце. Не то бы мне пришлось сидеть еще столько же. И будто подслушав мои мысли она спросила:

– Тебе дали четыре года?

– Шесть. А потом еще накинули двушку.

– За что?

– За поножовщину.

Соня вздрогнула. Такая чистюля... Знала бы ты, в какой грязи меня извозили. И чего мне стоило выжить.

– Значит, ты попал под амнистию?

– Что-то вроде того, – усмехнулся криво. Амнистией то, во что меня втянули, назвать было трудно. С другой стороны – лучше так.

– Послушай, но ведь так нельзя... Нужно что-то делать... Я не знаю, как здесь с этим обстоит с точки зрения права, но...

– Остынь. Я к тебе не за этим пришел.

– А за чем?

– Так. Просто увидеть.

Она задрожала. Снова отвела взгляд. Между нами повисла тишина, в которой я почувствовал, как отчаянно она сама с собой борется. С одной стороны, искренне желая мне помочь, а с другой – поскорее забыть обо всем том дерьме, в которое я макнул ее. Ну, и правильно. Я даже не сомневался, что будет так. Где Соня Гейман, а где я теперь? К черту.

– Ладно. Пойду я...

– Пстой!

Она осмотрелась и подбежала к лежащей на столе сумочке. У меня свело зубы от понимания того, что она собралась делать. Чтобы успокоиться, отвел взгляд. Залип на портрете девочки, стоящем на каминной полке.

– Вот! Возьми... На первое время хватит, а там...

– Оставь себе! – рявкнул я. – Мне не нужны твои подачки.

– Но...

– Я могу и сам о себе позаботиться.

– Тебе хоть есть, где жить?

– А если нгде? Что? Приютишь?

Она побледнела и отшатнулась. А я улыбнулся цинично. Что и требовалось доказать. Бывший зэк уж точно не пара для такой женщины. Я не знаю, сколько уйдет времени на то, чтобы от этого отмыться. Чтобы что-то сожрать не по расписанию, чтобы, садясь за стол, не класть перед собой соединенные в запястьях руки. Чтобы не пригибаться, сука, когда выходишь на улицу, и снова привыкнуть к не зарешеченным окнам. Я даже сейчас вот пил вино, а до конца так и не верил, что могу это делать... Лишь усилием воли я держал плечи прямо. И лишь усилием воли смотрел ей в глаза. С панически расширенными зрачками.

Как же меня бесил ее страх! Что она там себе надумала? Что зона превратила меня в зверя, и я теперь наброшусь на нее, как шакал на кость? Так я чужими объедками не питаюсь. Даже такими, на миллион долларов, как София. Перед

глазами всплыла картинка – она с каким-то мужиком в машине.

– Нет. Не приучу. Ты же понимаешь, что между нами все кончено... Правда?

– О да, принцесса. Я не дурак. Знаешь только, что интересно?

– Что? – она сглотнула. Я проследил, как комок прокатился вниз по ее горлу. С трудом подавляя в себе желание попробовать на вкус ее кожу. Такая ли она сладкая, как мне запомнилось? Теперь, когда Соня стояла так близко, искушение было чудовищным. У меня все внутри сводило от желания повторить то, что мы однажды начали...

– Как быстро ты утешилась?

– Ч-что?

– Как быстро пустила к себе в койку другого? Этого сексгиганта, с которым ты обжималась в машине. Или перед ним были еще?

Когда на тебя открыли охоту? До того, как ее открыли на меня? После?

– Знаешь что, Алекс? Мне жаль, что с тобой такое случилось, но это не дает тебе права вести себя со мной как мудака.

Она была права. И неправа одновременно. Нет, моему поведению действительно не было оправдания, но... как насчет нее? Почему она так быстро поверила в самое худшее? Теперь, когда я выяснил правду, именно этот вопрос вышел на первый план. Забей она тревогу, подключи своего отца, се-

мейные связи... мое дело даже до суда не дошло бы! Она могла спасти меня. Если бы только чуть напряглась. И не поверила Сереге так безоглядно.

– Твоя правда! – просипел я. – А мне и впрямь пора. Рад был повидаться... София.

– Я тоже. Но не могу сказать, что хотела бы повторить.

– Не бойся, принцесса. Я тебя больше не побеспокою.

Я сунул ноги в кеды, взял куртку. Наверное, нужно было купить нормальную одежду, но я никак не мог заставить себя сунуться в толпу торгового центра. Может быть, потом, когда хоть немного привыкну...

До дома, тесной бабкиной однушки, дошел пешком. Тоже потому, что метро пока не мой вариант. Шел долго, не чувствуя ног от холода. Открыл дверь своим ключом. Разулся. Не снимая куртки, поставил на плиту чайник и одеревеневшими от мороза пальцами насыпал в чашку несколько ложек растворимой кофейной бурды. Нужно было немного согреться, прежде чем вновь садиться за компьютер. Потому как прямо сейчас я бы не смог работать – пальцы почти не гнулись. Чайник вскипел. Я плеснул кипятка. И так, с чашкой, пошел обходить свои владения. А то до этого времени осмотреться возможности не было.

Квартира пребывала в полнейшем запустении. Хотя я, с барского плеча, как только начал более-менее зарабатывать, и сделал здесь евроремонт. Сейчас это все смотрелось убого и ужасно безвкусно. Может, потому что бабушка делала

все на свой вкус, а он у нее был своеобразным. Одни только обои в цветах чего стоили, и помпезные деревянные рамки с фотографиями на стенах... Я подошел к первой. На ней были запечатлены родители. У теплохода, на каком-то курорте. Чуть дальше я сам на руках у отца. Завернутый в одеяло и перемотанный бантом. Фото было черно-белым. Но я-то знал, что бант голубой. Потому как этот бант в семье считался реликвией и хранился в деревянной шкатулке, похожей на те, что делали ээки на зоне.

Родители погибли, когда я уже переехал в Америку. Разбились на трассе, угодив под движущийся навстречу КамАЗ. Говорили, отец уснул, после бессонной ночи...

На еще одной фотографии запечатлено застолье. Фотограф застал собравшихся врасплох, и оттого картинка казалась живой и подвижной. Я отпил кофе. Сделал еще шаг, разглядывая, вспоминая. Прошелся взглядом по собственной фотке, сделанной, кажется, еще в детском саду. Раз... И еще раз. Пока не понимая толком, что меня в ней так сильно смутило. А потом дошло. Чашка выпала из рук. Упала на пол. И белый свет померк.

Глава 3

Он захлопнул за собой дверь с тихим щелчком. А я подбежала к ней и... хотела открыть, непонятно, зачем, выскочить следом, но в последний момент сдержалась. Прижалась лбом к гладкому отполированному дереву. Распластала ладони. Грохот сердца в ушах был ненормально сильным. Он перекрывал собой все другие звуки. Я потому и не сразу поняла, что вою... Безобразно. Как бабка-плакальщица у свежей могилы.

Звук резко оборвался. Улетел куда-то под потолок. Зазвенел в хрустальных подвесках люстры. В ушах шумело, будто я с головой ушла под воду. И легкие жгло. Я с хрипом втянула воздух и стояла так, хватая ртом кислород, пока в глубине квартиры не зазвонил телефон. Резкий звук несколько привел меня в чувство.

– Да! Что-то случилось?

– Почему сразу случилось? – удивилась моя мачеха на том конце связи. – Все хорошо. Этель спит без задних ног. Я звоню узнать, как ты добралась.

– Нормально. На выезде пробки, а на въезд – пока ничего. Доехали быстро.

В динамике что-то затрещало, а потом до меня будто издалека донесся Лилькин обеспокоенный голос:

– Нет-нет, Ян, пожалуйста. Это не игрушка! Не надо так

делать. Оставь свой... эм... свое... достоинство в покое! Надень трусы, я что тебе говорю, маленький изверг!

– Надеюсь, ты это не папе? – съязвила я.

– София! – рассмеялась в ответ Лилька. Счастливая... любимая Лилька! Я так ей завидовала. Ругала себя, а все равно завидовала. Тому, как у них все с папкой складывается. Тому, как она на него смотрит, а он – на неё. Так, что я себя в их мире невольно начинала чувствовать лишней. Я завидовала их любви. Такой, какой я не знала, а потому, глупая, очень долго верила, будто ее и нет. С этой уверенностью я бабочкой порхала по жизни... А вот когда Лилька с отцом сошлись... когда я увидела их чувства во всей своей силе и мощи, все изменилось враз. И где-то там, в глубине души, притаилась обида на то, что любовь дана кому-то другому, пусть даже самому близкому... но не мне. Нет, я была за них искренне рада! Но... мне самой невыносимо... болезненно остро хотелось того же.

– Ну, а что? – через силу усмехнулась я.

– Если ты так хочешь это знать, твой отец большой изверг.

– Нет! Ну, нет... Лиля! Ты ведь не в этом смысле, да?

– Боже, какая ты пошлячка, Сонька! Фу! – Лилька сделала вид, что ее вырвало. Я захохотала. На этот раз искренне. Мне так нравилось ее дразнить. Это напоминало мне о детстве и о том, что нам всего по двадцать семь! Хоть порой я и чувствовала себя древней видевшей все старухой.

– Я завтра прям с утра приеду, – отсмеявшись, резко сме-

нила тему. – Может, даже останусь на несколько дней, пого-
стит. Что-то мне совсем не нравится в городе. Не выгоните?

– Опять шутишь? Я-я-ан! Сонька собралась пожить у нас.

На самом деле я решила сделать то, что делали все твердо
стоящие на ногах двадцатисемилетние взрослые женщины,
столкнувшись с проблемами – спрятаться от них в родитель-
ском доме. Здесь оставаться было небезопасно. Хотя Алекс
и обещал, что больше меня не побеспокоит.

Я быстренько свернула наш разговор с подругой и пошла в
ванную. Включила горячую воду, а пока та набиралась, усе-
лась на бортик, закинула стопу на коленку и принялась раз-
минать. А перед глазами – Алекс... Александр, как он пред-
ставился при нашей первой встрече.

– Так Алекс или Александр? – усмехнулась я. Было что-
то бабское в том, что взрослый мужик, каким он мне тогда
казался, выбрал себе имя, больше подходящее стриптизёру
или травести-диве.

– Да можно и Саша. Просто я сейчас живу в Америке, а
там как-то принято сокращать вот так...

– На американский манер? – усмехнулась я, по достоин-
ству оценив его простоту.

– Ну, да. Так уже даже привычнее.

Алекс пожал плечами и серьезно на меня посмотрел. Мне
сходу понравилось то, что он не скрывал свою во мне за-
интересованность. Но в то же время, оставался максималь-
но естественным и не пытался пустить пыль в глаза. Он вы-

брал самую правильную тактику. Удивить меня чем-то было довольно сложно. В конце концов, я была той, кем была... Попытки выпендриться чаще всего вызывали во мне отторжение. Будучи умной девочкой, я прекрасно понимала, насколько они неискренни. Эти люди не порадовать меня стремились. Они пресмыкались. Самым банальным и пошлым образом. Алекс – нет. Алекс будто кричал – я мужик. И я хочу тебя. Но я не буду строить из себя клоуна в надежде затащить в постель.

И это было ужасно сексуально. Этим Алекс мог меня взять.

А он и брал... Брал так, что я себя не помнила. Несколько недель моя жизнь кружилась вокруг него. Все другое будто перестало существовать. Семья, друзья, бизнес. Я засыпала с ним и просыпалась. А когда он уходил, впервые в жизни мерила шагами комнату и крутила в руках телефон, с трудом воздерживаясь от того, чтобы ему позвонить. Став в один ряд с теми навязчивыми ревнивыми курицами, которых я призирила раньше.

А может, и надо было? А?! Звонить! Может, если бы я это сделала, то узнала бы правду? Если бы в тот момент, когда его остановили менты, я была рядом... Пусть даже так, на телефоне... Да я бы землю перевернула, чтобы его отмазать. И он бы не потерял четыре года жизни! Целую вечность... Особенно, если мерять этот срок годами жизни ребенка. Дочери... Мы бы не потеряли.

Мамочки!

Что же я наделала? Как же так? Неужели гордость стоила того? Нет! С другой стороны, откуда мне было знать, какие на кону ставки? Откуда мне было знать, будь оно все проклято!

Меня била мелкая дрожь. Я быстро разделась, шагнула в ванну и съехала вниз, погружаясь в воду едва ли не с головой. Никогда в жизни я не ощущала такой растерянности. Даже когда с ужасом узнала о своей беременности... Даже тогда я была намного более собранной. А теперь мысли, как блохи, хаотично метались в моей голове. Что делать? Почему? Как с этим жить? Если только не думать о нем... Сделать вид, что не было ничего. Вычеркнуть из памяти этот день. Но... кем я тогда стану? Даже не предательницей. Сволочью... Тварью последней. Те люди отняли его жизнь. А я... неужели я действительно думаю о том, чтобы отнять её продолжение? Которое заключалось в Этель.

Та ночь стала для меня адом. Когда я выбралась из ванной, оказалось, что звонил Игорь. Он благополучно успел в аэропорт, о чем я узнала из эсэмэски, которую он написал, когда не дозвонился. Разговаривать с ним сейчас – не было сил. Я пожелала ему хорошей дороги и отключила телефон. И без него было слишком шумно... Мне казалось, я слышу осуждающий шепот стен. Они все так же давили, падали мне на голову.

Я почти не спала. Утром встала разбитая. Побросала ве-

щи в сумку и поехала к отцу за город. Нервно постукивая пальцами по рулю, я убеждала себя в том, что это никакой не побег. Просто... мне нужно было немного времени, чтобы отойти от обрушившихся на меня новостей и обдумать все на трезвую голову. В тишине и уютном спокойствии отчего дома.

– Выглядишь, как черте что.

И это говорила мне женщина в неоновых лосинах, надевших под леопардовую тунику.

– Привет, бабуля. Ты – прелесть, как всегда. Где все?

– Разве ты не слышишь этот топот?

Шумоизоляция в доме была на уровне. Так что я действительно ничего не слышала, но у старой карги с возрастом обострилась не только вредность, но и, похоже, слух.

– Ничегошеньки.

– Ян изображает из себя самолет и пытается выгнать детей к завтраку. Лиля в кухне.

Я бросила сумку посреди холла, нисколько не сомневаясь, что ее не только поднимут наверх, но еще и разберут вещи, и потопала в сторону кухни, где, бормоча себе что-то под нос, у плиты колдовала Лиля.

– Привет, – она взмахнула лопаточкой, нахмурила рыжие брови и озабоченно пробормотала: – Ты здорова? Что-то неважно выглядишь.

– Да что вы все ко мне прицепились? Нормально все! Просто... хандра какая-то. Наверное, предновогоднее.

– Так, я за штопором...

– С ума сошла?! – обернулась к бабке, – утро на дворе.

– Ну, и что? – удивилась та. – Хандра время суток не выбирает.

– Что за шум? – раздался зычный голос отца, который тут же полностью утонул в заливиستم смехе детей. Тот держал их подмышками, внучку – в правой руке, сына – в левой, и улыбался, полностью довольный жизнью.

– Бабушка меня спаивает, – настучала я.

– Вот как? А ты что?

– А я отказываюсь! Привет, моя золотая.

Я потянула руки к дочери, но та лишь сильнее вцепилась в деда. Почему-то сейчас как-то особенно остро бросалось в глаза то, насколько ей не хватало мужского внимания. Я облизала вдруг пересохшие губы и отвела взгляд.

– У тебя что-то случилось? – это уже отец. Сговорились они все, что ли?!

– Ай! Ну вас! Вы мне комплексов решили добавить?!

– Комплексов? – засмеялась Лилька. – Тебе?

«Да! Мне!» – хотелось крикнуть. Но я не стала. Ведь я сама была виновата в том, что поставила себя так... Будто мне все нипочем. А ведь за время беременности и потом... уверенности во мне в значительной мере поубавилось. Этель мне далась тяжело. Что-то случилось с мои гормонами, а тут я еще стала заедать стресс... В общем, за довольно короткий срок меня разнесло до необъятных размеров. Посмот-

рели бы они на свои лица, когда впервые увидели меня беременной! Расставание было долгим, я скрывалась в Америке, и за это время успела так сильно «преобразиться», что они узнали меня с большим трудом. Мои и без того пышные формы, которыми я всегда гордилась, превратились в необъятные бесформенные тела. Натянувшиеся на животе, а на спине, напротив, собравшиеся крупными складками. Сама себе я казалась такой уродливой, что последние два месяца перед родами и почти полгода после практически не выходила из дома.

– Если у кого и надо интересоваться здоровьем, то это у тебя, – перевела я на отца стрелки.

Тот поставил малых на пол. Пожал широкими плечами. За последние недели он вновь набрал потерянную за время болезни массу. И уже ничто не напоминало о ней.

– В норме.

– Что? – открыла рот Лиля. – Результаты обследования уже готовы?! И ты мне не сказал?

– Эй, – отец подошел к моей подружке, коснулся ее подбородка пальцами и жадно коротко поцеловал: – Успокойся! Я только увидел в почте... – и погладил ее тем самым особенным жестом по животу. Ну, да... Лилька была опять беременна. И хоть этот опыт я уж точно никогда не захотела бы повторить, что-то кольнуло внутри. Тонкой ядовитой иглой. Я бы многое отдала, чтобы во время беременности со мною был рядом тот, кто любил бы меня. Тот, кто ждал

бы ребенка с таким же нетерпением...

Если бы все сложилось иначе, стал бы Алекс тем самым мужчиной? Мы были слишком молоды. И никогда не говорили о детях. Кто вообще заводит подобные разговоры двадцать три? И пусть он старше – темы один черт были другие. Хотя с уклоном в «долго и счастливо». Я так легко поверила в то, что он меня обманул. Что он это самое долго... с другой. А он...

– Что-то ты больно задумчива, милочка.

– Да так. Ничего особенного. Кое-какие неожиданности.

Я не хотела делиться тем, что произошло. Трудно было представить, как это воспримут близкие. Отец... Он, со своим непошибаемым пониманием правильного, вообще с большим трудом смирился с тем, что его единственная дочь стала матерью-одиночкой. Отец был современным во всем, но в том, что касалось семьи... Таких дремучих староверов еще надо было поискать.

– Неожиданности – и есть наша жизнь, – философски заметила бабушка. – Покуда ты дождешься, когда ожидаемое постучит в твою дверь, неожиданное уже снимет куртку и обует твои же тапки.

Алекс тапок не обувал. Я вообще не была уверена, что в моей квартире имелись тапки. Но бабуля как всегда зрела в корень. И видела, кажется, даже больше отца, у которого сейчас все мысли были только о беременной женушке. В данной ситуации мне это было только на руку. Старая карга

лезть ни во что не станет. У нее своя тактика. Сесть на берегу реки и ждать, пока по ней проплывут трупы врагов. Отец же предпочитал действовать.

Отвлекая меня от тревожных дум, ко мне подбежала дочка. Я обняла ее крепко-крепко и звонко поцеловала в нос.

А в ушах эхом...

Предательница, предательница, предательница!

Глава 4

Это было ошибкой. Приехать сюда. До этого я не чувствовала себя одинокой так остро. Нет... Мое одиночество пустило корни внутри... И затаилось. А вот теперь разрасталось в сердце, теснило грудь... пустотой.

– Лиля, немедленно слезь! Ты слышишь?!

– Да я только фонарики повешу! Во-о-он туда.

Лилька покачнулась на стремянке. Отец рванул к ней со всех ног. словно она ничего не весила, на вытянутых руках плавно спустил на землю и...

– Спятила?! – даже встряхнул легонько. А потом так же быстро остыл, прижал Лильку к сердцу и зажмурился. Пряча... страх. Ужас. Самый настоящий. Растекающийся по радужке глаз.

Нет... Надо уезжать. Пока зависть не сожрала меня, как оголодавшая псина. Пусть я так ничего и не решила насчет Алекса... Как-то оно да будет.

– Я бы удержалась! – захохотала подруга, откидываясь в руках отца.

– Не смей! Не смей никуда больше лезть! Не то я...

– Не то у него инфаркт будет! – встряла. – Ты ж все-таки думай, Лиль! Папка у меня немолодой. Сердце у него слабенкое...

Лилька закатила глаза. Отец нахмурился. А когда я, за-

брав из рук Лильки гирлянду, сама полезла на ту злосчастную лестницу, и слова мне не сказал. То ли я, окончательно его достав, перестала представлять из себя всякую ценность, то ли он считал, будто опасность грозит только беременным.

– Куда цеплять-то?

– Повыше, Сонь... А потом по веткам.

– Лучше бы это сделал Михалыч, – гудел отец.

Деревьев тут еще было столько, что работы хватило бы всем. К тому же детям нравилось украшать двор к Новому году. Здорово Лилька придумала. Раскрасневшаяся на морозце Этель развешивала новогодние игрушки, те порой выпадали из непослушных в варежках ручек, но тут уж на подхвате был маленький Ян. Он, как истинный джентльмен, наклонялся и подбирал их, вновь возвращая... тетке.

Я повесила гирлянду, как сказала Лилька. Достала из кармана телефон и с высоты щелкнула открывающуюся картину. Чем тебе не рождественская открытка? Красивый дом, запорошенный снегом сад, влюбленная пара, дети... Даже бабушка вышла посмотреть на нас и теперь подслеповато шурилась, кутаясь в роскошное норковое манто.

И только я себя чувствовала лишней. Недаром взяла на себя роль фотографа...

Руки заледенели. Я спустилась с лестницы и, подув на ладони, запрокинула голову вверх. Кто сказал, что снег падает? Он не падает... Он летит! Искрясь, переливаясь в лунном свете и никуда не торопясь.

– Ты такая мечтательная, Сонька... Что-то мне это напоминает! – на плечи легли Лилькины руки. Она обняла меня и положила на плечо голову в забавной шапке с помпоном.

– И что же?

– Я тебя уже видела такой. Ты что... влюбилась? В этого таинственного Игоря, которого никак нам не представишь?

– Не выдумывай. У тебя просто разгулялась фантазия. Ты бы ее лучше в мирное русло направила. Кстати, о работе...

Ах да. Я ведь еще не успела рассказать о том, чем занимаюсь по жизни. Я – ментор, инвестор и бизнес-ангел в одном флаконе. Все началось еще с универа. И нашего с Лилькой стартапа, в который я вложила из денег, доставшихся мне по наследству от матери. Проект выстрелил, и теперь ежегодно приносил мне столько кэша, что я могла бы безбедно жить до скончания лет. Но я была дочерью своего отца. Сидеть без дела мне было неинтересно. Вот я и занялась инвестициями. Прониклась духом Кремниевой долины по самое не хочу. Там мы с Этель и жили до некоторых пор. Пока что-то не потянуло меня назад, на родину. Поближе к моей семье. Я не была уверена, что хотела бы здесь остаться, скорей, пока приглядывалась. Разбиралась в себе.

– Ну, Сонь... Какая работа? Такая красота вокруг – посмотри! И выдохни, наконец. Трудоголик ты наш.

Мы все же обсудили с Лилькой кое-какие вопросы за ужином. А когда они с отцом отправились к себе, когда уснула Этель, и ночь сизым одеялом окутала притихший дом, я

вновь засела за компьютер. Пару дней назад я поручила одному ушедшему парню узнать для меня кое-что важное. И сегодня он обещал отчитаться.

Меня интересовала личность Сергея Капустина. Партнера Алекса. С тех пор, как мы расстались, я намеренно игнорировала все новости, хоть как-то связанные с их компанией. Но теперь... теперь я хотела знать все. Чтобы... отомстить? Нет, вряд ли. Чтобы вернуть Алексу то, что у него отняли. В бизнес-кругах я обладала достаточным авторитетом, для того чтобы с его партнером больше никто не захотел связываться. Хотя бы так... я могла восстановить справедливость. Можно было, конечно, еще подать в суд. Доказать участие Алекса в стартапе и потребовать компенсацию его доли. Но Американская система права в этом смысле была настолько несовершенной, что суды могли растянуться на десятилетия. Тем более что одной из сторон в сделке была огромная корпорация. А сатисфакции хотелось сейчас... Даже мне хотелось. Что уж говорить об Алексее?

Я поежилась. Отложила ноутбук в сторону. Перед глазами снова всплыла картинка. Он... На моем диване. И эти огромные руки... В которых мне так сильно вдруг захотелось очутиться. Это ведь ненормально, правда? Моя реакция. Так не должно было быть. Ведь он сидел... И наверняка изменился не только внешне. Да господи! Он стал абсолютно другим! Я совершенно не знала этого человека напротив. Мне был незнаком его мертвый взгляд, резкие жесты, звери-

ные повадки... Они заставляли меня ощетиливаться каждый раз. Но ко всему еще будили совершенно дикое, абсурдное желание узнать его ближе.

– Захотела острых ощущений?! Идиотка! О ребенке подумай! Зачем ей отец – бывший зек?!

И пусть невиновный, пусть. Что это меняло по факту?! Неволя один черт оставила на нем след. Он не вписывался... Ни в мою жизнь. Ни в жизнь моей дочери.

Нашей дочери... – зашелестела тишина сиплым голосом Алекса. И это прозвучало так явно, так отчетливо, что... Я подпрыгнула на постели и осмотрелась по сторонам – не просочился ли тот каким-то чудом в дом.

Предательница... Предательница... Предательница!

Я заткнула уши. Подошла к окну. Дернула на себя створку, впуская холод... и снег, который влетел в мою комнату, не понимая, что здесь его ждет только смерть.

Отвлекая от мыслей, теленькнуло входящее в почте. Я подбежала. Открыла письмо. Ссылки, данные, безжалостные к моим эмоциям цифры. Сергей провернул сделку вполне на законных основаниях. Так по-дурацки был устроен их с Алексом бизнес. Сразу было видно, что первый. Построенный по-нашенски. На доверии. В Америке так никто не работал. В общем, Капустин нагрелся на сделке, а дальше... Ничего толкового не создал. Именно Алекс был мозговым центром их стартапов. Не стало Алекса – не стало перспективных идей. А может, Сереге это и не надо было. Бабла, по-

сле сделки с Фейсбуком, у него было немерено. И судя по отчету, теперь он просто наслаждался шикарной жизнью. В то время как Алекс гнил на зоне. Я, хоть и была золотой девочкой, иллюзий по поводу такой жизни не питала. И понимала, через что ему пришлось пройти. Я думала, что понимала...

Час от часу не легче! Я предполагала, что этот отчет сумеет помочь мне, но... Ни черта. Сергей уже получил свое, и по всему ему было плевать на собственную репутацию. Вот если бы он искал новых инвесторов под свой проект – тогда другое дело. А так... Как его наказать? Как заставить заплатить за то, что сделал? Подать в суд? Так у Алекса на адвокатов денег нет. А у меня он не возьмет. Пробовала ведь всунуть...

– Ха-ха! Не получилось добрыми делишками отделаться, да, Соня-я-я, – вновь зазвучал издевательский голос в голове. – Придется сознаваться!

А может, не надо? Может, для него будет лучше не знать о дочке? Понимать, что, ко всему прочему, потерял еще и три года жизни собственного ребенка, непросто...

– Ага! Как же... Ври себе, ври! Предательница!

Я захлопнула крышку ноутбука и пошла к Этель. Я всегда успокаивалась, на нее глядя. Моя малышка спала, подложив ладошку под голову, и сладко сопела носом-пуговкой. Она была совершенно на меня не похожа. Я потрогала пальцем ее сладкую прохладную со сна щечку. Забралась с ногами на узкую для нас двоих кроватку и только так, с ней рядом,

смогла уснуть.

А утром я засобиравалась в город. Отец с Лилей предлагали остаться, но я была непреклонной. Пора было возвращаться к работе и... нормальной жизни. К тому же, я совсем забыла о своей записи в парикмахерской. Я уже давно собиравалась подстричься.

Доехали без приключений. Няня ждала нас дома. Я немного поработала и засобиравалась в салон. Раньше я гораздо чаще баловала себя такими процедурами. Раньше... я себя больше любила. А теперь совершенно себе не нравилась. И ведь не только внешне. Мне не нравилось то, как я поступаю... То, что чувствую.

– Ну?! Посмотрите! Разве я не говорил, что вам пойдут эти светлые блики? Гляньте, как смягчилось лицо!

Да. Было и впрямь красиво. Моя иссиня-чёрная грива преобразилась. Так и впрямь лучше. Я улыбнулась, потому что красота на голове способна поднять даже самое отвратное настроение. Если не на высоту, то к вполне терпимым значениям. К машине я шла танцующей походкой. Вытянув шею, повертела головой, разглядывая себя в зеркале заднего вида, а потом мои глаза встретились... с чужими мертвыми глазами. Шок стоил мне времени. Я сообразила, что надо бежать, слишком поздно. Как раз в этот момент Алекс сдавил локтем мою шею. И я смотрела на эту руку... всматривалась в синий узор вен, толстых, как веревки.

– Не рыпайся. И все будет хорошо. Кивни, если поняла.

Я кивнула, чувствуя, как все внутри сводит от ужаса. Как по позвоночнику медленно стекает холодный пот. Судорожно облизала губы...

– Чего ты хочешь? – голос немного дрожал.

– Сейчас я переберусь на переднее сиденье, и мы все обсудим.

Он и перебрался. Толкая меня своими широкими плечами. Сел. Уставился прямо перед собой и скомандовал.

– Едем.

– К-куда?

– Домой. Хочу с дочкой, знаешь ли, познакомиться.

Я распахнула рот. Повернулась к нему всем телом, не отдавая отчета тому, что делаю... Как он узнал?!

– Ну, что сидишь? Едем!

– Н-нет. Нет, Алекс. Ты не понимаешь...

Он сощурился. Улыбнулся. У меня от его улыбок холодок шел. Потому что никогда... никогда больше эти улыбки не касались его красивых глаз.

– Это ты не понимаешь, принцесса. Терять мне уже нечего, так что... лучше сделай так, как я говорю.

– Не то что?! Ты убьешь меня? – проорала я, осмелев вдруг с чего-то.

– Ты не представляешь, какое искушение я испытываю.

Он не шутил! Он... не... шутил, господи. И глаза... его глаза – они не пусты. О, нет. В них ненависть. Лютая. Дикая... с трудом поддающаяся контролю. Я буквально видела,

как она наползает, бьется о барьеры, что он расставил, с шипением отступает, чтобы ударить новой, еще более мощной волной.

– Я не собиралась от тебя ее скрывать. Хотела поначалу, да... Не спорю. Растерялась, и вообще... – провела по волосам. – Сам подумай, в каком я оказалась положении. Ведь ты... вернулся так внезапно, Алекс. И... ты совершенно не тот человек, которого я знала.

– Не тот.

– Вот! А Этель... она мое все, понимаешь? Я не хотела тебе зла. Просто... мне нужно было обдумать, как твое появление отразится на ней.

– Этель... – пропустив мимо ушей все остальное, Алекс тихо повторил имя дочери. – Этель... – перекатил на языке.

Он больше не выглядел равнодушным... Скорее потерянным. Злым. Больным...

– Алекс, ты меня слышишь?

– Что?

– Я бы не стала от тебя ее скрывать.

Он впился в меня острым, как скальпель, взглядом. Он вспарывал им мою кожу, пробирался внутрь. Недоверчивый. Битый. Может быть, почти сломленный. Совершенно мне незнакомый. Но каким-то непостижимым образом до боли родной.

– Если ты мне соврешь, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты родилась на свет. И никто... Никто тебе не поможет.

Ни папа, ни сам господь бог.

– Хорошо... А теперь послушай меня! Как я уже сказала, Этель – все, что у меня есть. И мне очень жаль, что с тобой случилось то, что случилось. Что это случилось со всеми нами... Но, клянусь, даже это не станет тебе оправданием, если ты ее хоть взглядом обидишь. Говоря твоими словами, я заставлю тебя пожалеть, что ты родился на свет, если это случится, Алекс. И еще... я бы не хотела, чтобы при Этель ты как-то вспоминал о своем прошлом... Ее не должно коснуться то, что...

– Я – уголовник.

– Да. Извини, я знаю, что ты ни в чем не виноват. Я тебе верю... Но я больше тебя не знаю.

Глава 5

Она была права. Как бы это ни было больно. Она... была... права. Самым дерьмовым как раз и было то, что я мог понять её страхи. Мне не стереть клеймо уголовника. Не изменить прошлого. И больше не стать тем человеком, которым я был когда-то. Да, я не был отморозком. Но сколько я их повидал за эти четыре года? Откуда Соне было знать, что я не стал одним из них? Она защищала дочь. Это понятно... Но осознавать, что она защищала ее от меня... было выше моих сил.

Я похлопал по карманам, достал сигареты. Выбил пальцем одну. Никогда не курил. А в зоне... только этим дерьмом и спасался. Что-то тихо зажужжало – Соня опустила стекло-подъемник. Я затянулся, так что обожгло пальцы. Она завела мотор.

– Куда тебя подбросить?

– Я ведь объяснил, – сбил пепел и снова наполнил дымом легкие.

– И что? Вот приедем мы сейчас. Ты придумал, что ей скажешь? Знаешь, как себя поведешь?

Зыркнул на нее. Сжал зубы. Я тысячу раз об этом думал, с тех пор как разглядел ту фотографию и все в голове сложилось. У меня есть дочь... Принять это было сложно. Ведь я не видел ее, когда она родилась, не вставал ночью к ее по-

стельке, не учил ее орудовать ложкой, не... чему еще там учат детей?

Я не любил ее, потому что не знал. Она была просто девочкой с фотографии. Так сильно похожей на меня девочкой...

– Сориентируюсь по обстоятельствам.

– Нет, Алекс. Так дело не пойдет.

– Чего ты от меня хочешь?! – рыкнул я.

– Не знаю! В конце концов, я не каждый день знакомлю своих трехлетних детей с их папашами! Единственное, в чем я уверена – торопиться здесь точно не стоит. Этель нужно как-то подготовить... Это моя часть. А что касается тебя, ты бы не мог хотя бы не курить? В первый год жизни у неё были кое-какие проблемы с легкими. Даже астму подозревали...

– Ладно. Я понял, – щелчком отбросил бычок. – Диагноз не подтвердился?

– Нет. Уже все хорошо. – Соня растерла лоб наманикюренными пальчиками. Шоколадные пряди упали ей на лицо, заслоняя от моего взгляда. – Как насчет ужина? Ты мог бы прийти завтра в шесть? Не уверена, что ей стоит сразу говорить, что ты её папа. Вряд ли она поймет, что это означает...

Поужинать с красивой женщиной... Увидеть ребенка... Провести время как будто ты... нормальный. Соня заправила волосы за ухо и повернулась ко мне лицом. Ее губы были искусанными. И выглядели точь в точь, как тогда, когда я их целовал. Наши взгляды встретились. Ее дыхание оборва-

лось. Она зайцем замерла, так безошибочно определив ход моих мыслей.

Я хватал ртом воздух, но не мог дышать...

Член выпрямился. Натянул, насколько можно было, плотную джинсу. Остынь, парень. Она теперь тебя и близко не подпустит... Откашлялся.

– Да. Это было бы неплохо.

– Ладно. Тогда я буду ждать тебя завтра в шесть. Охрану предупрежу...

Кивнул. Да... Так, наверное, лучше. Я и впрямь не знал, как мне быть с девочкой. Что делать. Ее появление в моей жизни оказалось таким неожиданным. С одной стороны, я жалел, что упустил три года жизни собственного ребенка. С другой, радовался тому, что эта жизнь случилась. А значит, за это время я кое в чем все-таки преуспел. Оставил свое продолжение. Очень эгоистичные мысли, да. Они не делали мне чести.

– Что-нибудь принести?

– Принести? – переспросила она.

– К ужину.

Кажется, в американских фильмах, которые я смотрел еще в прошлой жизни, мужчины приходили на ужин с женщиной с бутылкой вина. И цветами...

– Нет. Ничего не надо. Можешь купить что-нибудь для Этель. Она обожает мультяшных пони.

В ответ на мой растерянный взгляд Соня пояснила:

– Есть такой мультик Пони Виль. Этель его любит.

Запомнить бы...

– Хорошо.

– Хорошо, – и себе кивнула София, – значит, определились. Ну, тогда до завтра? Или тебя все-таки подвезти?

– Нет. У меня еще здесь кое-какие дела.

Я положил руку на ручку и уже почти открыл дверь, когда она поинтересовалась:

– Как ты узнал?

Замер. О чем она спрашивает было понятно.

– Увидел ее фото на камине. А потом, дома, попалась моя старая фотография. И все понятно стало.

– А о том, что я буду здесь?

– Следил за тобой. Думал, найду – придушу. За то, что ты ее от меня скрыла.

Пусть это был эгоизм чистой воды. Пусть во мне пока не было чувств к ребенку... Она была моя! Моя... Тогда как я думал, что у меня уже ничего не осталось. Она... была. И я жадничал.

Соня вздрогнула. А я отвернулся и, больше не оглядываясь, выбрался из машины. На противоположной стороне улицы располагался торговый центр. Низко-низко наклонив голову, я вошел в крутящиеся двери. Осмотрелся... Мне нужно было купить подарок дочери. А еще, наверное, какую-то одежду. Чтобы Соня не смотрела на меня с гребаной жалостью. И брезгливостью...

Домой вернулся часа через три. Абсолютно измочаленный. И злой как черт. Первым делом встал под душ, чтобы смыть будто прилипшие ко мне надменные взгляды консультанток. Видели бы они свои вытянувшиеся морды, когда я, не моргнув глазом, купил все, что выбрал. Купил даже больше, чем надо было... Что-то доказывая. То ли себе. То ли этим тупым курицам с накладными ресницами.

Я вышел из ванной, обмотав бедра полотенцем, и покопился на сваленные в углу пакеты. Один – самый большой, из Детского мира. У меня дочь...

Чтобы не сойти с ума в ожидании встречи, засел за работу. В последние дни я уделял ей не так много внимания, как должен был. И мне уже намекнули, что дальше так не пойдет. Наверное, пришла пора рассказать, кто меня вытащил? Интерпол. Два месяца назад ко мне пришли и предложили сделку. От которой я не мог отказаться. УДО. В обмен на помощь. Я сначала не понял, чем могу быть полезен. Тем более такой солидной международной конторе. Оказалось, все проще простого. Бюро вышло на одну из самых крупных в своей истории преступных групп. А потом выяснилось, что эти ребята поддерживают связь через секретный чат в мобильном приложении, которое я создал еще студентом. Мессенджер был абсолютно защищен от любых внешних воздействий. Приложение было скрытым. Если нажать кнопку телефона один раз, загружалась обычная операционная система. А если два – аппарат перезагружался, и пользователи по-

лучали доступ в чат. Без моей помощи они бы в жизни не смогли его взломать.

Само приложение я продал давным-давно и совершенно не следил за его судьбой. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что девяносто процентов пользователей так или иначе были вовлечены в преступную деятельность? Не самые приятные чувства... В какой-то момент для меня стало делом чести вывести этих людей на чистую воду. Раз уж я невольно им помог.

Часов через десять напряженной работы, когда глаза уже болели так, будто в них воткнули кинжалы, я захлопнул крышку ноутбука и улегся на диван. Секунда, и я отрубился. Практически тут же зазвонил будильник. Я открыл глаза. Со стоном потянулся к телефону. Оказалось, я проспал шесть часов, хотя думал – только-только сомкнул веки. Снова душ. Новые шмотки, которые я не то что не постирал, но даже не срезал бирки...

На дне пакета – парфюм. Я хмыкнул. Открыл коробку. Принюхался... Так пахла дорогая жизнь. И свобода. К этому тоже нужно привыкать заново.

В этот раз я вызвал такси. Узкие туфли с непривычки давили – я бы ни за что в них не дошел. Да и времени не было. Опаздывать не хотелось.

София открыла мне практически сразу же, но еще пару секунд медлила, с удивлением меня разглядывая. Ну, да... Она, наверное, не ожидала, что я буду выглядеть так... Нор-

мально. По ее меркам.

– Привет. Проходи...

В квартире Сони была открытая планировка. Я переступил порог, потянулся, чтобы снять туфли, да так и застыл. Этель сидела на диване и зачарованно пялилась в телевизор, по которому шли мультики. Может быть, Пони Виль, о котором мне рассказывала ее мать, а может, что-то другое... В маленькой ручке зажат плюшевый заяц. На меня – ноль внимания. Я сглотнул.

– Это что?

– А?

– Это что? – повторила Соня, кивнув в сторону брошенных мной пакетов.

– Вино. И подарки...

– Не нужно было так тратиться...

Я проигнорировал ее замечание. Слишком унижительным оно было. Снял пальто. Бросил его на столик для мелочей и нерешительно замер, сунув руки в карманы. Сердце бухало в груди, как ненормальное. И я медлил.

– Этель, детка, смотри, кто к нам пришел... – Снова ноль внимания. Соня смущенно повела плечами: – Извини, я довольно редко разрешаю ей смотреть телевизор, поэтому тот – вне конкуренции. Этель! – чуть повысила голос.

Малышка, наконец, оторвалась от экрана. Перевала взгляд на нас и тут же спряталась за подлокотником.

– Стесняется. Ты проходи... Дай ей время. Пусть она

немного привыкнет.

Хороший план. Мне тоже нужно было как-то привыкнуть. Справиться с тем пожаром, что разгорался внутри и несся огненной лавой по венам. Я, то и дело оглядываясь, пошел вслед за Соней в кухонную зону, отделённую от гостиной огромным островом.

– Я накрыла здесь. Ничего?

– Ничего.

– Откроешь вино?

– Да, конечно.

Пальцы немного подрагивали, когда я сдирал акциз. Этель наблюдала за нами. А я как коршун следил за ней. Через несколько минут ее любопытство взяло верх над страхом, и она осторожно сползла с дивана.

– Бокалы на верхней полке...

Господи, это было так... странно. Разговоры ни о чем, Соня, сервирующая стол. Сюрреализм какой-то. Радоваться бы жизни. А я вспоминал, как хлебал тюремную баланду... Такой дикий контраст!

– Хай.

Кто-то дернул меня за штанину.

– Этель, давай по-русски, окей? Она билингва. Мы с рождения жили в Америке, так что...

Я кивнул. Скосил взгляд. И уставился в самые голубые на свете глаза. Они улыбались. Не зная, что делать дальше, я осторожно присел. О чем разговаривать с маленькими де-

вочками? Я не знал... Осторожно, боясь испугать, поднял руку и потрогал забавную резинку у нее на голове.

– У тебя красивая прическа.

Этель улыбнулась. Значит, угадал... Все женщины любят комплименты, независимо от возраста.

– Это мама сделала? – оглянулся на Соню. Она стояла в двух шагах. И знаете, что? От ее напускного спокойствия ничего не осталось. С лица сошли все краски... Она закусила губу и переминалась с ноги на ногу, сжав в кулаки руки, будто из последних сил удерживая себя на месте.

Мама... Я впервые назвал ее мамой вслух. Я впервые думал о ней, как о матери моего ребенка.

– Угу.

– Красиво, – как дурак, повторил я. Но Этель, кажется, понравилось. – Я принес тебе кое-что. Видела? Вон в том розовом пакете со всякой дрянью на...

– Алекс!

– Со всякими красивыми нарисованными штуками.

Этель кивнула и, неуклюже подпрыгивая, помчалась к подаркам. София с шумом выдохнула. Интересно, она вообще не дышала все это время? – мелькнула злая мысль.

Было невыносимо унижительно. Но я, наверное, должен был это сделать. Я полез в карман, достал сложенные бумажки. И протянул ей.

– Ч-что это?

– Я здоров.

Соня растерянно моргнула. Провела пальцами по острым краям бумаги. Уткнула в них. И подняла взгляд.

– Ты о чем?

– Я полностью здоров. Это справки из больницы. Тебе не нужно бояться, что я чем-то заражу ее или...

Не договорил. Унижение было слишком сильным. София открыла рот, и в ее глазах я увидел потрясение.

– Мне даже в голову не приходило сомневаться в этом, – прошептала она, облизав губы. Я только дернул плечом.

– Ты смотрела на меня, как на прокаженного.

– Нет! Я просто... волновалась, как... все пройдет. Но я... Господи, – она брезгливо отбросила от себя мои справки и отвернулась. – Извини, если ты подумал, что должен... должен мне что-то доказывать.

Ее плечи дрожали. А тонкие пальцы с такой силой вжались в столешницу, что стали белыми-белыми. Почти как мои. Четыре года не знавшие солнечного света.

– Я бы не стал тебя осуждать. Зона – дерьмовое место.

Она даже не представляла, насколько. А я никогда бы ей не смог рассказать. Признаться в том, что я пережил... ей? Золотой девочке? Да ну. Пусть и дальше живет в своем розовом мире.

– Мне так жаль, Алекс... Мне так безумно жаль.

Она обернулась. Шагнула ко мне и коснулась пальцами выбритой щеки. И если раньше я думал, что прошел уже все круги ада, заглянув ей в глаза, ощутив так близко, что тело

СВОДИТ, Я ПОНЯЛ, ЧТО ОШИБАЛСЯ.

Глава 6

Я гладила его по щеке осторожно. Как дикого зверя. А он, как зверь, раздувал ноздри и... дышал намного более шумно, чем обычно. Конечно, я понимала, что это означает и куда нас ведет, но не могла отдернуть руку. Его щеки были бледными и гладковыбритыми. Он явно подготовился к этому визиту. Лишь кое-где бритва промахнулась, оставив чуть более длинную щетину. Она царапала мне подушечки пальцев и как будто что-то внутри. Я сглотнула... До глубины души тронутая тем, что он старался произвести хорошее впечатление.

Отойди от него! Что ты делаешь, дура!

Но почему-то не получалось. И пальцы осторожно скользили по коже дальше. Ощупывали скулы, спускались ниже, почти к губам. Не решаясь их коснуться. Мне хотелось верить, что все длилось какой-то миг, хотя, казалось, этот миг обернулся вечностью.

А потом так не вовремя зазвонил телефон.

Будто обжѐгшись, я отдернула пальцы. Схватила свой уже полный бокал в одну руку, в другую – трубку и отошла к окну, чтобы поговорить с Игорем.

– Привет. Куда ты пропала?

– Я? Да вроде бы никуда. Мы ведь только утром говорили. Как твои встречи?

– Ничего. Бесит, что я не смогу приехать на Новый год.

– Ничего. На западе этому празднику в принципе уделяют гораздо меньше внимания. Представим, что мы там.

– Уж лучше бы это так и было. Ты же знаешь, как мне нравится твоя идея с переездом!

Да. Я знала, что Игорь предпочел бы, чтобы мы так и жили в Пало-Альто⁴. Чтобы все вернулось на круги своя, и было, как раньше. Я и сама склонялась к этой мысли. До того, как в моей... нашей жизни с Этель вновь появился Алекс. Теперь же все изменилось. Алекс... Я оглянулась через плечо и наткнулась на его изучающий взгляд. Он скользил по моему телу, лицу. Сползал вниз и снова возвращался к глазам. И мне казалось, что вместе с ним, с этим странным голодным взглядом по моему телу растекается жидкое олово.

– Сонь, ты меня слышишь? – в голосе Игоря послышалось раздражение.

– Извини. Я немного занята сейчас. Давай поговорим завтра?

Пауза. Шорох... Игорь то ли вздохнул, то ли выматерился, прижав телефон к груди, чтобы я ничего не услышала. Черт! Я не хотела его обижать. Он – единственный человек, который оказался рядом, когда мне было плохо. Другом сначала... А потом, когда ко мне более-менее вернулась уверен-

⁴ Пало-Альто – город в округе Санта-Клара, штат Калифорния, США. Неофициальная столица Кремниевой долины. К Пало-Альто примыкает кампус Стэнфордского университета.

ность в собственной привлекательности, и любовником. Может, даже именно он эту самую уверенность мне и вернул. Я была его должницей...

– Позвоню завтра.

– Договорились. Целую. Пока...

Я покрутила телефон в руках, не зная, как лучше поступить. То ли вовсе его вырубить, чтобы никто больше не отвлекал от происходящего, то ли, напротив... Оставить себе шанс в случае чего отвлечься под благовидным предлогом.

– Ну, что... – улыбнулась я. – Садимся за стол? Этель! Смотри... здесь твои любимые котлетки.

– Котлетки... Пони Виль. Что еще ты любишь? – поинтересовался Алекс, помогая Этель... нашей дочке... господи! забраться на высокий барный стул. В его огромных руках она казалась такой крохотной и беззащитной. Я закусил губу и сделала вид, что поправляю и без того безупречно разложенные на тарелке закуски.

– Дельфинчиков.

– Правда? И где ты их видела?

У него неплохо получалось. Хотя я сомневалась. И переживала просто до ужаса о том, как все пройдет. Этель рассказала, что мы частенько выходим в море посмотреть на дельфинов, да и просто весело провести время. А Алекс... Он внимательно ее слушал. И смотрел... боже, как он смотрел. То на нее. То на меня... Будто спрашивал – она правда настоящая?

– Хватит болтать, не то остынет все! – хлопнула я в ладоши. Подняла бокал и вздернула бровь, потому что Алекс, кажется, вообще не понимал, что я хочу сделать. Только в последний момент, когда я собралась было убрать зависшую над столом руку, сориентировался. Схватил свой бокал и с легким звоном коснулся моего. Я слабо улыбнулась. Он – нет. Опустил ресницы. Потрогал серебряные столовые приборы.

– Что-то не так?

Я всерьез занервничала. Грязные они, или что? Почему он так на них пялится?

– Нет. Все в порядке.

Алекс взял вилку, нож... Те казались будто кукольными в его руках. Я залипла. На выступающих, будто прожилки на крыльях стрекозы венах, коротких волосках, покрывающих тыльную сторону ладоней, загрубевших костяшках. Он осторожно разрезал мясо. И тут до меня дошло. Вряд ли в тюрьме ему сервировали стол.

Стало за себя стыдно. Как если бы я ему пыль в глаза пыталась пустить. Пусть даже это было не так. А еще очень горько. За нас. За то, что произошло. Я много раз представляла того Алекса за тюремной решеткой. И у меня не получалось. Настолько его образ не вязался со всеми теми ужасами, что возникали в голове при слове «тюрьма». Должно быть, поэтому он изменился так сильно.

– Вкусно.

– Спасибо. Хоть это и не я готовила.

– Такое мне бы даже в голову не пришло. Я еще помню ту твою яичницу.

«Ту» Алекс выделил интонацией. Я сглотнула и дрожащими пальцами разгладила салфетку. Так некстати накатили воспоминания из прошлого. Когда я совершенно не была к ним готова. Алекс был первым мужчиной, кого я захотела побаловать собственной стряпней. И если честно, последним... Потому что я абсолютно точно была не предназначена для готовки. Приготовление простой яичницы с помидорами для меня обернулось кошмаром. Но он съел все. До последней крошечки. Хотя я не знаю, как ему это удалось – он ржал в тот день без остановок. Пока я, взбесившись, не запулила в него солонкой. Он увернулся. Ошалело оглянулся, а потом ринулся на меня. Схватил. Поцеловал. И мы тут же помирились... Прямо на этом острове.

– Ты вспоминаешь о том, что было потом? – хрипло поинтересовался Алекс.

– Что?! Нет! Господи, нет...

Я соврала! И он это прекрасно понял.

– Может быть, мы сделали Этель в тот раз, – чуть сузив глаза, заметил Алекс. Я неопределенно пожала плечами. Делая вид, что мне все равно. Хотя... все равно мне не было. У меня щеки горели, уши... И соски под свитером напряглись так, что я боялась, как бы они не прорезали лифчик. – А, впрочем, это могло случиться когда угодно. Мы только и де-

дали, что трахались, – отчего-то зло заметил Алекс и одним глотком осушил остатки вина.

Его настроение менялось так же быстро, как и погода в Сан-Франциско. Вот еще ярко светит солнце, а секундой спустя – небо заволокло и срывается дождь.

– Прекрати немедленно. Здесь же Этель!

Я спрыгнула со стула и подошла к дочери, которая мало что понимала из происходящего. Погладила ее по волосам. Может быть, я ошиблась, решив их познакомить? Он ведь явно не контролировал перепады своего настроения. В нем чувствовалась внутренняя агрессия. Как у любого человека, прошедшего через ад. Посттравматический синдром – хреновая штука. А он у него налицо. И к бабке ходить не надо.

Этель подняла на меня свои глазищи. Улыбнулась. Я прижала ее головку к бедру. Алекс тихонько выругался.

– Прости. Я... Не хотел тебя обидеть.

А я не обиделась. Мне кажется, я даже понимала, что стояло за его агрессивным выпадом. Алекс намекал на то, что кроме секса нас ничего не связывало. Иначе я бы так легко не поверила его напарнику. Иначе я хотя бы попыталась докопаться до истины. У меня были все возможности это сделать.

Он обижался. Хотя... какое это глупое слово – обида. В нашей ситуации оно не передавало и сотой доли тех чувств, что он наверняка испытывал. Тех чувств, что теперь навсегда между нами пропастью. И моей виной.

– Проехали. Лучше расскажи, чем думаешь заняться дальше.

– Все тем же... – пожал он плечами.

Я отвела взгляд, чтобы не выдать своего скептицизма. В нашем деле все менялось настолько стремительно, что после четырех лет перерыва вернуться в обойму практически невозможно. К тому же с судимостью не так-то просто получить визу. И в принципе легализоваться.

– Если что-то понадобится – буду рада помочь. Я... все так же занимаюсь инвестициями.

– Спасибо.

– Уже есть какие-то идеи?

– Кое-какие.

Он ясно дал понять, что не хочет обсуждать со мной свои дела. А я не смела навязываться.

Мы доели. Этель утатила Алекса показывать ему свою комнату. Я решила дать им немного времени пообщаться наедине и осталась в кухне под предлогом уборки. Собирая со стола грязные тарелки, я напряженно вслушивалась в доносящиеся из глубины квартиры звуки. Тихий смех Этель, их с Алексом неразборчивые голоса. Когда дел в кухне больше не осталось, я посмотрела на часы. По всему выходило, что нам пора закругляться. Но Алекс, кажется, никуда не спешил, а я не могла найти слов, чтобы выставить его и не обидеть.

– Этель пора купаться.

– Оу... Тогда я, наверное, пойду?

Я кивнула и чуть перевела дух, надеясь, что он не заметит.

– Я хочу навещать ее.

– Конечно.

– Мы могли бы сходить куда-нибудь вместе. В цирк или дельфинарий. Раз уж Этель так любит дельфинов.

– Ладно. Только я... пока не могу... не могу отпустить ее вот так... – занервничала. Этель крутилась у наших ног, и я пригладила ее волосы.

– Боишься, что я наврежу ей?

Кажется, он опять взбесился. Я буквально видела, как что-то темное поднимается со дна его глаз и растекается по радужке мутью. Чтобы я ни сказала сейчас, какие бы ни привела аргументы – он бы вряд ли меня услышал.

– Просто позвони мне заранее, и мы договоримся о встрече, – пробормотала я. Он стиснул челюсти. Резко кивнул. И потрепав Этель по головке, вышел за дверь. Только после его ухода я поняла, как же сильно была напряжена все это время. Как чудовищно сильно. Я сделала глубокий вдох. В воздухе пахло его духами...

– Я хочу в дельфинарий, – улыбнулась Этель и сунула в рот пальчики.

– Мы обязательно туда ходим. Наверняка там будет интересное новогоднее представление.

В тот вечер Этель долго не могла утомониться. Я укладывала ее спать целую вечность. Не помогали ни сказка, ни поглаживания по спинке, которые обычно действовали на нее

успокаивающе. Мы лежали рядышком. Друг напротив друга. В полумраке по комнате скользили тени. И казалось, будто деревья мечутся туда-сюда точь в точь, как мои мысли.

«Боишься, что я наврежу ей?» – спросил он...

А я не знала, боюсь ли. Просто глядя на него такого, изменившегося, нет-нет, да и мелькала мысль, может быть, я напрасно позволила эту встречу? Может, и впрямь было лучше увезти Этель далеко-далеко. В Америку, где он никогда бы не смог до нее добраться. Но я также знала, что никогда не сумела бы так поступить. Разве что в самом экстренном случае...

За какую-то неделю моя устоявшаяся жизнь перевернулась с ног на голову. И я понятия не имела, как с этим быть. Я так никому и не призналась в том, что отец моей дочери объявился. Ни семье, ни Игорю. Мне было важно сначала самой разобраться с тем, что происходит. С тем, что я чувствую. Потому как, видит бог, этих чувств... сумбурных, сбивающих с ног своей разностью, во мне было через край. Прошло еще две недели, а я так и не разобралась с ними. Напротив, все только сильнее запуталось. Алекс приезжал к нам еще четыре раза. А когда не приезжал, то звонил. Спрашивал о том, как прошел день Этель, я рассказывала, потом в разговоре повисала неуютная пауза, и он просил позвать ее к трубке. И вроде бы нас ничего кроме ребенка не связывало, так почему мое сердце колотилось так сильно, стоило зазвонить телефону? Почему я каждый раз перед его прихо-

дом подолгу стояла у зеркала? Так тщательно выбирала наряд и прокрашивала тушью ресницы? Не от того ли, что хотела ему понравиться? Но ведь это глупо! Он пугал меня... он меня манил. С каждой нашей встречей все больше.

Телефон зазвонил, когда я, уложив Этель спать, работала за компьютером.

– Привет.

Сиплый прокуренный голос царапнул. Я поежилась:

– Привет. Ты сегодня поздно.

Сказала и запнулась. Потому что это все прозвучало так, будто я ждала его звонка. Ну, не глупость ли?! Глупость чистой воды! Но знаете, в чем проблема? Когда он не звонил, мне в голову начинали лезть всякие глупости. Например, я думала о том, успел ли он найти себе женщину...

– Было много дел.

– Ты нашел работу? – вцепилась я в его слова.

– Да так. Кое-что... Как Этель?

Он все время переводил разговор на дочь.

– Ничего.

– Отлично. Я взял нам билеты в дельфинарий. На завтра.

Вот, звоню, вас предупредить.

Глава 7

– А там будут дельфинчики?

– Конечно. И котики. И даже морской лев. Помнишь морских львов с тридцать девятого пирса?⁵

– Угу. Они смешные.

– Это точно, – улыбнулась я. Поправила пальцем помаду и еще раз взглянула на себя в зеркало. Я очень старалась выглядеть максимально просто, но в то же время шикарно. А это – та еще задачка. Но вроде бы удалось. Тщательный макияж был практически незаметен, волосы, которые я укладывала битый час, легли так, будто я только что выбралась из постели, а наряд подчеркивал все достоинства фигуры. Джинсы с завышенной талией, мягкий свитер... Симпатично.

Я покосилась на часы. Алекс задерживался. Если не выедем в ближайшее время – наверняка опоздаем. Минуты тянулись бесконечно. Этель в красивом платье нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и то и дело подбегала к двери, заслышав малейший шум. А я, глядя на то, как преданно она ждет отца, все сильнее нервничала. И злилась. На то, что он не посчитал нужным приехать вовремя. Почему-то вспомнилось, как я ждала его в последний раз. Отец устраивал боль-

⁵ Тридцать девятый пирса? – пирс в г. Сан-Франциско, который облюбовали калифорнийские морские львы. Достопримечательность.

шой праздник по случаю своего дня рождения, и я посчитала, что это отличный повод представить семье избранника. Я прождала его весь вечер. Но он так и не приехал. Теперь-то я знала, что ему помешало. Но тогда... Боже, как я на него злилась! И как переживала...

К черту! Я схватила телефон, чтобы не повторять ошибок прошлого. Набрала его номер. И опять, как тогда, гудки. Долгие. Бесконечные. А потом:

– Да!

– Какого черта, Алекс?! Где тебя носит? Представление вот-вот начнется, а тебя все... – мою тираду прервал громкий надсадный кашель. – Алекс... – уже более спокойно позвала я.

– Извини... Я, кажется, вырубился. Твою мать.

Голос еще более хриплый, чем обычно. Одышка.

– Ты в порядке? – забеспокоилась я.

– Да так. Похоже, простыл немного, – он снова прервался, пережидая приступ кашля. – Может быть, сходите без меня? Билеты я скину на почту.

Я растерялась. Пробормотала что-то невнятное. С одной стороны, я видела, как Этель ждет, как хочет пойти, но в то же время... Этот кашель. И голос...

– Послушай, это неважно. Лучше скажи, о тебе есть кому позаботиться?

У тебя есть женщина? У меня появился предлог спросить. Рот наполнился горечью.

– Пустяки. Это всего лишь простуда. Поцелуй за меня Этель. И хорошо повеселитесь...

Он снова зашелся лающим кашлем и выпал в оф. Я растерянно провела по волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.